

В СТРАНЕ АСГЕНД
И ПРЕДАНИЙ

Бурлач Гаджиев
ПОЛЯКИ В ДАГЕСТАНЕ

В стране легенд и преданий

Булач Гаджиев

Поляки в Дагестане

«Эпоха»

2005

Гаджиев Б. И.

Поляки в Дагестане / Б. И. Гаджиев — «Эпоха», 2005 — (В стране легенд и преданий)

Книгой «Поляки в Дагестане» Булач Гаджиев продолжает серию «В стране легенд и преданий». Неутомимый краевед проделал грандиозную работу: по крупицам собрал материал о поляках, волею судьбы попавших в Дагестан в первой половине XIX века. Одни из них старались бежать на Родину, другие смирились со своей судьбой, третьи переходили на сторону дагестанцев, ведших войну против царской деспотии. Книга будет интересна всем. И доподлинно известно, что ее выхода с нетерпением ждут и в Польше.

© Гаджиев Б. И., 2005

© Эпоха, 2005

Содержание

Вместо предисловия	6
Вступление	7
50 лет назад	11
Сражался на Ахульго	14
Шамиль не подписался	16
«Казимировская балка»	20
Лекарь поневоле	22
10 лет на чужбине	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Булач Гаджиев

Поляки в Дагестане

© Б. Гаджиев, 2005.

© ИД «Эпоха», 2005.

Вместо предисловия

Все любопытное, что имеет отношение к Дагестану, я заношу в заветную тетрадь. Так у меня накопился определенный материал о поляках, которые в первой половине XIX века были сосланы на Кавказ за участие в восстаниях против царизма.

Часть из сосланных оказалась на территории Дагестана.

Одни из них старались бежать на Родину, другие смирились со своей судьбой, третьи переходили на сторону дагестанцев, так же ведших войну против деспотии. Впоследствии те, что остались в живых, осели у нас, заимели смешанные браки, занимали разные, в том числе и государственные должности и, таким образом, внесли свой посильный вклад в процветание Дагестана. Хочу заметить, что потомки сосланных по сию пору живут на нашей земле. Они одагестанились.

Слухи не ветер разносит. Ко мне из Польши приезжали люди, которые живо интересовались пребыванием их земляков в Дагестане. В частности, у меня гостили Ксендз католиков Северного Кавказа Бранислав Чапли и профессор Варшавского университета Ежи Енджевич, прадед которого Юзеф Енджевич сражался на Ахульго на стороне Шамиля. Гость из Польши предлагал мне издать собранный материал на его родине. Однако пойти на такой шаг в то время было небезопасно. Мне оставалось только поблагодарить господина из Варшавы.

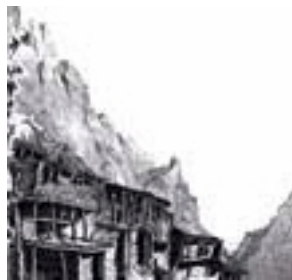
Прошли годы, и я начал терять надежду, что работа «Поляки в Дагестане» когда-нибудь увидит свет.

Совершенно неожиданно, а это случилось в самом конце 2004 года, ОАО «Дагэнерго» пошло навстречу мне.

Особой строкой хочу выразить глубокую благодарность генеральному директору ОАО «Дагэнерго» Гамзатову Гамзату Магомедовичу, без которого данная работа оставалась бы пылиться на одной из полок моего архива.

***Булач ГАДЖИЕВ, народный учитель СССР
Темир-Хан-Шура, Буйнакск***

Вступление

О Кавказе до XIX века в Польше мало что было известно, хотя еще XVI–XV вв. через эту страну в Иран время от времени проезжали польские послы. Так как дорога проходила по побережью Каспийского моря, то их миссии оказывались и на дагестанской земле.

За представителем польского государства двинулся второй эшелон. И, как свидетельствует Анджей Ходубски, «торговцы из Львова, Каменец-Подольска, Замостья приезжали в Дагестан».

Они в обмен на ковры, паласы, кожу, ювелирные изделия предлагали янтарь, часы, оружие.

В начале XVIII века в Дагестане оказалась польская католическая миссия. Один из миссионеров, Тадеуш Крусиньски, изучал историю, географию, традиции и обычаи местного населения. Его труды написаны на латыни. Так что ценнейшие сведения 300-летней давности о Дагестане и дагестанцах для нас пока находятся за семью печатями.

В 1797 году на Кавказ прибыл Ян Потоцки, историк, языковед, этнограф, археолог. Дорога его прошла от Астраханских степей до Кавказского хребта. Но установить, что делал ученый в Дагестане, мне не удалось. В самом начале XIX века на Кавказе мы видим многих выходцев из Польши. Во время Отечественной войны 1812 г. целые воинские соединения совместно с французскими войсками Наполеона воевали против России. Попавшие в плен к русским польские солдаты и офицеры затем оказывались на Кавказе.

XIX век внес особое оживление в польско-дагестанские отношения. Дело в том, что многие участники восстаний 1830, 1846, 1863–1864 годов были сосланы не просто на Кавказ, а именно в Дагестан.

Анджей Ходубски по этому поводу сообщает: «В гарнизонах Дербента, Порт-Петровска, Темир-Хан-Шуры... в то время поляки составляли около 30 процентов общего числа находившихся там военных».¹

И на самом деле в военных хрониках первой половины XIX века мы находим немало имен польских офицеров и солдат. Они оказались зачисленными в Кавказский корпус, задачей которого было подавление национально-освободительного движения горцев Дагестана и Чечни. Их направляли в места, где происходили самые горячие схватки. Если на первых порах согласно присяге поляки добросовестно воевали, то узнав причины выступления дагестанцев и чеченцев против завоевательной политики царского правительства, стали задумываться над своей ролью в этой, скажем так, ситуации.

Частью поляков упорно овладела мысль о дезертирстве. Одни из них хотели через Иран и Турцию пробраться на Запад, чтобы оказаться на родине. Другая часть сочла необходимым перейти к Шамилю и вместе с его мюридами участвовать в боевых действиях против Кавказского корпуса.

¹ Ходубски А. Польша и Дагестан: Исторические связи / Советский Дагестан, № 4. 1981. – С. 78–79.

Как пишут Гражина и Анджей Милошович, сперва горцы не разбирались, кто поляк, а кто русский. Поэтому тех и других использовали в качестве рабочей силы, а то и продавали в Турцию как рабов.

Шамиль первым осознал, какую он помощь может занять, если привлечь к себе тех, кто тайком уходил из царской армии. Имам строго-настрого приказал наibaм в отношении перебежчиков вообще, а к польским особенно бережно относиться и непременно докладывать ему о всех событиях, связанных с ними. Мало того, Шамиль дал распоряжение доставлять поляков в его резиденцию, чтобы он мог поближе познакомиться с перебежчиками. Заботы имама Дагестана очень скоро дали свои плоды.

В своих воспоминаниях Кароль Калиновский рассказывает, как горцы торжественно и салютом из орудий приветствовали польского офицера, перешедшего на их сторону.

Ходила молва, что создателем артиллерии и советником Шамиля являлся поляк Шанявский.

Французский консул в Турции (Трабзон) в рапорте своему правительству от 10 марта 1844 сообщает следующее: «Во всех походах сопровождает Шамиля его мощная гвардия из 400 польских всадников».

Здесь имеется некоторое преувеличение, однако то, что большое количество поляков имелось в ставке имама – это факт неоспоримый.

Гражина и Анджей Милошович сообщают далее, что князь Адам Чарторыски намеревался установить контакт с руководителями восстания Дагестана и Черкессии (Чечни. – Б. Г.) и создать на Кавказе легионы из польских солдат, которые сыграли бы большую роль в войне Англии, Франции и Турции против России. Князь своей главной целью всего задуманного считал – вернуть независимость Польши.

Для выполнения задачи А. Чарторыски отправил на Кавказ Людвиг Зверковски и Казимира Гордона с целью разведки состояния царских войск, установить отношение горцев к полякам, связаться с Шамилем, дабы ему передать содержание задуманных ими планов. Авторы книги с сожалением отмечают, что «миссия закончилась» неудачно, ибо Зверковски был ранен, а Гордон убит при таинственных обстоятельствах при попытке пробраться к Шамилю.

Статьи из польских журналов о Кавказской войне

...Наладить связь с Шамилем не удалось, а многочисленные поражения турецкого флота перечеркнули все планы Адама Чарторьски.²

...Следует обратить внимание на то, что среди 10 тысяч сосланных имело немало образованных людей, в том числе писателей, поэтов, художников, ученых, врачей, геологов, историков, географов...

К примеру. На Кавказе оказался талантливый поэт Тадеуш Лада Заблочки, который заинтересовался литературой местных народов, изучал их языки, переводил...

² Гражина и Анджей Милошович. Кавказ. – Варшава, Изд-во Ведзе Повшехта, 1979.

Приведем еще фамилии, сосланных на Кавказ поэтов: Владислав Стржельницки, Леон Яничински, Генрик Яблонски, инженер Казимеж Лапчински, прошедший Кавказ вдоль и поперек, Ориен Талиста, Юзефу Ходзько, которому принадлежат большие заслуги в изучении Кавказа. Одни только топографические измерения 1400 точек говорят об этом. «За время Кавказской войны и последующие годы, – сказано на странице 114 названного труда, – через Темир-Хан-Шуру прошло много декабристов и сосланных в солдаты поляков. Бывали здесь поэт Владислав Стржельницки, Михал Буровый Анджейкович, Матеуш Гралеwski и многие другие. Проживали здесь (Темир-Хан-Шуре. – Б. Г.) также польские семьи. О том, что их было довольно много, свидетельствует тот факт, что их общими силами построен в 1-й половине XIX века католический костел, названный местным населением Польским. Его настоятель ксендз Бартоломей Прушковски основал при приходстве польскую библиотеку.

...После поляков осталось только немного фамилий среди дагестанцев, которые не всегда знают о своем польском происхождении».

Не будь сказано в пику авторам статьи, однако «дагестанские» поляки никогда не забывали своих предков и тем более свою родину – Польшу.

Торговый обмен Польши не только с Россией, но и с Дагестаном особенно возрастает во 2-й половине XIX века. Чтобы мои слова не повисли в воздухе, приведу такой пример. Только из Темир-Хан-Шуры в Варшаву поставлялись фруктовые консервы, компоты и варенья из заводов Хизри Гаджиева и Адама Беловеского. Столицу Польши посетила и моя мама, Хурбиче Гаджиева, куда ездила за фарфоровой посудой.

Польский костел в Темир-Хан-Шуре (1854)

...Поляки всегда относились с симпатией к дагестанцам. Об этом говорят прошлые наши с ними отношения. Я же приведу свежий факт. 27 сентября 2001 г. на варшавском стадионе состоялся футбольный матч между «Анжи» и шотландской командой «Рэйнджерс». По свидетельству корреспондента еженедельника «Молодежь Дагестана» Альберта Мехтиханова, немалое количество зрителей болели за нашу команду.

50 лет назад

По профессии я педагог. В самом начале своей деятельности обратил внимание на то, что, когда в курс истории бережно и с текстом вводил волнительные факты о связях Дагестана с другими народами и странами, то уроки давали ощутимый эффект.

Однако факты не лежат на поверхности, не находятся под рукой. Они, как всякая драгоценность, хоронятся неизвестно где и под какими пластами. Поэтому ровно 60 лет назад я вывел детей на порог школы и двинулся вместе с ними в загадочный мир, который зовется Родиной.

...Мы в тот памятный день посетили старожилу города Темир-Хан-Шура Зисера Рубштейна. И хотя его рассказ как будто не имел прямого отношения к курсу истории, однако перед детьми раскрывалась такая интересная биография человека, что они слушали как завороченные.

– Мои родители были из Петракова, что близ Лодзи в Польше, – вспоминал старик. – В 1865 году отца забрали в армию и отправили на Кавказ. И попал старый Рубштейн в Апшеронский полк, стоявший тогда в крепости Ишкарты.

Здесь рассказчик перебил себя и спросил у ребят: «Вы знаете, где Ишкарты?» Они знали только то, что аул Ишкарты находился в 15 километрах к западу от Буйнакса. Услышав ответ, Рубштейн продолжил:

– Солдаты в те времена служили по 15 лет, и не знаю, что было бы с моими родителями, если бы отцу не дали возможность перевезти семью в Дагестан. Такое исключение делалось редко кому. Моему отцу разрешили, так как ценили его как замечательного портного. Через три года после того как отец начал служить в Ишкартах, туда в сопровождении командира Апшеронского полка И. Р. Багратиона прибыл кто бы, ребята, думаете? Никогда не догадаетесь. Прибыл французский романист Александр Дюма! Отец очень гордился тем, что сшил ему черкеску. И было отчего. Бедный портной из Петракова Лодзинского уезда и вдруг – знаменитый на весь мир писатель! С тех пор, если в нашем доме появлялся новый человек, отец любил прихвастнуть этим известием. Здесь-то, в кумыкском селении, в 1877 году я и родился. Помню, мальчиком очень любил наблюдать за часовыми, стоявшими у массивных ворот. По четвергам на базар приходили к нам кумыки и аварцы; перед тем как пройти в расположение полка, кинжалы и другое оружие они составляли в углублениях крепостной стены.

...И потекла беседа:

– Что горцы делали в крепости?

– Торговали с солдатами и офицерами Апшеронского полка. Кроме того, обращались за медицинской помощью в полковой лазарет.

– Помогали?

– Да, притом бесплатно.

...Еще несколько раз побывали мы у З. Рубштейна.

И каждый раз мои ребята узнавали что-то новое, не менее интересное, чем в предыдущие посещения. И это было понятно: рассказывал очевидец-старожил, например, о том, как на улицах Темир-Хан-Шуры впервые появился автомобиль, и какое было столпотворение.

Зисер Рубштейн с внучкой

Как пролетал над городом 1-й самолет, в каком помещении впервые демонстрировали кинокартину... И все это видел Рубштейн. Или такой факт. В Темир-Хан-Шуре работало примерно 27 портных. Между ними была конкуренция. В этой борьбе одни разорялись, другие процветали. Однажды Зисер Рубштейн явился к начальству реального училища и заявил: «С этого года форму для реалистов будете шить только у меня». У начальства глаза на лоб: «Как это так?»

– Я вам предлагаю выгодную сделку.

– Какую?

– В этом году, – произнес Рубштейн, – мундиры я сошью бесплатно, но с условием, чтобы со следующего года вы пользовались только моими услугами.

Пожали друг другу руки. Шутка ли сказать: куш за 30–40 сшитых Рубштейном мундиров начальство положит себе в карман.

– Ну и что! – воскликнет иной из моих читателей, – фактов, говорящих о конкуренции в прошлой жизни, хоть пруд пруди.

Если бы только это, мы не стали бы воспроизводить рассказ темирханшуринца.

Среди реалистов, которым он шил мундиры, оказались М. Дахадаев, Д. Коркмасов, С. Габиев, С. Саидов, М.-М. Хизроев, А. Амирханов и другие.

Рубштейн лично знал их, беседовал с ними, приглашал на чай, не подозревая, кем они станут впоследствии для Дагестана, так же, как не знали ни я, ни мои дети, что таят в себе будущие встречи с обыкновенным портным.

По воспоминаниям старожила выходило, что рядом с Ишкартским укреплением возникло два русских поселения – Алексеевка и Чапчах. Рубштейн помнил многих жителей. Один из них Франц Кеснер, стал профессором Тифлисской консерватории по классу фортепиано, а его сестра Лидия Кеснер – была ученицей композитора Глазунова. Он знал сына легендарного Хаджи-Мурата – Гулу, страстного краеведа латыша А. Н. Скрабе, Михаила Пашенко – человека интереснейшей биографии, дед которого участвовал в штурме Гуниба в августе 1859 года...

...Когда началась первая мировая война, в Темир-Хан-Шуре дислоцировался Новобаязетский пехотный полк. Офицеры полка у Рубштейна занимали в долг деньги. Никому Зисер не отказывал, хотя близкие и просто знакомые предупреждали его, что полк вот-вот уйдет на войну, и его деньги вылетят в трубу. Таким прорицателям портной отвечал, что на войне офицеры могут потерять самое ценное – жизнь. И ему ли после этого плакать о недополученных долгах. А новобаязетцы оказались на высоте. Вернули деньги до копейки, даже за тех, кто сложил голову на поле брани.

...Невысокий ростом, худощавый, почтенный, не по моде одетый Зисер Рубштейн последние годы проживал в Махачкале, где и скончался в глубоком возрасте в ноябре 1963 года.

Сражался на Ахульго

Летом 1969 года в Дагестан приезжал польский ученый, историк Ежи Енджевич. Заехал он и в Буйнакск в сопровождении моих братьев – проректора ДГУ Серажутдина и агронома Абакара. Из рассказа гостя я успел занести в блокнот следующее: «Мой прадед Юзеф Енджевич участвовал в восстании 1830–1831 гг. Вы люди образованные и не можете не знать, что оно было жестоко подавлено, и Николай I многих поляков сослал на Кавказ. Их одели в русскую военную форму и послали воевать против ваших предков. Состояние моих соотечественников, я думаю, вам не трудно представить. Они как бы оказались между молотом и наковальней: вчера сами участвовали в освободительном движении, а сегодня надо было идти против народов, которые боролись также, как и они за свободу. Поэтому неудивительно, что поляки всеми способами старались переходить сперва к Кази-Магомеду, а затем, после его гибели, и к Шамилю.

Не секрет, что ссыльные помогли Шамилю усовершенствовать его артиллерию. Кроме того, в личную охрану входили наши предки, а адъютантом имама являлся поляк Шанявский. Приехал я к вам потому, что мой прадед Юзеф Енджевич сражался на Ахульго на стороне горцев. Я мечтаю написать специальную книгу о судьбе поляков, которые поневоле оказались на Кавказе».

Узнав о том, что я еще несколько лет назад подготовил рукопись о Кавказской войне, Ежи Енджевич поинтересовался:

– Почему не издаете?

Я ответил, что Шамиль в нашей стране находится как бы вне закона. Гость сообразил на что я намекаю.

– Дайте мне рукопись, – воскликнул Енджевич, – я переведу ее на польский язык и приложу все силы, чтобы издать в Варшаве!

Польский ученый Ежи Енджевич

Услышав эти слова, я обрадовался безмерно. Но братья очень быстро опустили меня с небес на грешную землю, напомнив, что издание книг за рубежом без особой санкции на то со стороны ЦК партии равносильно измене родине.

Ахульго

...С приходом Ежи Енджевича в моей копилке прибавился еще один факт о поляках, оказавшихся на чужбине.

Как от камня, брошенного в воду, расходятся круги, так одна находка, одно событие тянуло за собой попутно другое. Это была удивительно увлекательная тема, от которой меня оторвать не могла бы теперь никакая сила.

Шамиль не подписался

В то время, когда пленный Шамиль находился в Калуге, в российских и иностранных газетах появились сообщения, о том, что один из сыновей имама (имеется в виду Мухаммад-Шафи. – *Б. Г.*) будто находится в отряде поляков, восставшего против царского правительства.

В это время приставом при Шамиле состоял царский офицер Пржецлавский П. Г., который долгое время служил в 1-м Дагестанском конно-иррегулярном полку. Он сочинил текст письма-опровержения и хотел, чтобы под этим документом его подопечный поставил свою подпись. Здесь необходимо заметить, что ни один из сыновей имама не отлучался от отца. Таким образом, на первый взгляд, Шамилю ничего не стоило черкнуть свое имя. Однако он этого не сделал, чем привел пристава в исступление. В чем же дело? Чтобы понять поведение дагестанца, обратимся к письму, составленному Пржецлавским: «В № 130-м газеты «Русский инвалид» перепечатана телеграфическая депеша, сообщающая о нахождении будто бы моего сына в экспедиции одного из польских агитаторов полковника Лещинского (Тефик-Бея). ... проникнутый чувствами глубокой преданности к Великому государю... (и т. д., и т. п. – *Б. Г.*). Я, будучи крайне оскорблен возведенною на мой дом позорною клеветой, считаю себя обязанным просить Ваше Высокопревосходительство опровергнуть ее гласно, давая этим знать, что ни я, ни мои дети не способны быть столько презренными, чтобы принимать участие или сочувствие в их неправых замыслах, и за дарованные мне и всему Кавказу благодеяния заплатить черною изменою...»

Дальше – больше. Будто Шамиль счастлив, если придет необходимость, то он, невзирая на свою дряхлость, готов «обнажить ту самую шашку, которую имел счастье получить в дар из рук его Величества».

Шамиль с сыновьями Кази-Мухаммадом и Мухаммадом-Шефи

10 дней Шамиль не давал ответа. На одиннадцатый Пржецлавский спросил у старшего сына имама Кази-Мухаммада:

– Почему Вы не хотите перевести и написать текст этого письма военному министру?

– Мы не умеем хорошо излагать по-арабски, – отвечал Кази-Мухаммед. – Притом министру и так известно, что сведения о нахождении сына Шамиля в «шайке» Тефик-Бея – ложь.

– Конечно, нам известно, – настаивал Пржецлавский, – но за границу могут подумать, что это правда: письмо ваше было бы написано в Париже, в Лондоне, в Константинополе.

Зять Шамиля Абдурахман, игравший роль домашнего секретаря, знавший и русский, и арабский языки, мог бы сделать лучшим образом, но он прикинулся не умеющим заниматься переводом, да и не желавшим исполнять то, что не по душе тестю, да и ему самому тоже.

Пристав, видимо, обещавший военному министру успех в этой акции, остался с носом. И до этого на дух не переносивший семью имама, Пржецлавский теперь всеми ему возможными средствами притеснял калужских пленников.

Каково же было удивление, когда Шамиль вскоре узнал, что приставленный к нему полковник – поляк по национальности. Обнаружилось это случайно.

– Откуда ты так хорошо знаешь наш Коран и наши изустные предания? – спросил имам у Пржецлавского.

– Я их читал.

– По-арабски?

– Нет. Я их читал у литовских татар.

Шамиль, обращаясь к сыну Кази-Мухаммеду, воскликнул:

«О, бедный наш Коран! – его перевели на язык гяуров...»

С тех пор между ним и полковником выросла глухая стена.

Во время Кавказской войны Пржецлавский служил в штабе генерала И. Д. Лазарева и активно воевал против жителей Чечни и Дагестана. Он являлся эпигоном царизма на Кавказе, потому прикладывал усилия для подавления восстания горцев.

В 1863 году новый мятеж в Польше снова был подавлен, над теми, кто выступал с оружием в руках чинились суд и расправа.

Пржецлавский о событиях в Польше рассказал Шамилю в самых черных красках, особенно напирая на жестокость со стороны Муравьева в Литве и графа Берга в Польше.

В конце беседы пристав объявил, что царь о беспощадности двух названных высокопоставленных лиц ничего не знает и что хорошо было бы, если Шамиль обо всем этом доложил императору. Дагестанец слушал Пржецлавского в пол-уха и ничего не предпринял.

Однако пристав на этом не успокоился. В другой раз он подал Шамилю заранее подготовленный текст, где на арабском языке и русском языках говорилось о милосердии царя, пощадившего кавказские народы 4 года назад. И хорошо бы, говорилось дальше в тексте, если бы царь проявил такое же милосердие и к полякам...

«Прошу Вас, полковник, – заговорил Шамиль, – не обращайтесь ко мне с таким предложениями. Я никогда не осмелюсь беспокоить государя такими письмами».

Видя несговорчивость дагестанца, Пржецлавский не на шутку испугался и не отходил от него, пока тот не дал слово, что о письмах он, Шамиль, впредь будет молчать.

С того дня ненависть П. Г. Пржецлавского к Шамилю и к его семье проявлялась открыто, и к 1865 году отношения между приставом и Шамилем настолько ухудшились, что для разбора дела из Петербурга в Калугу специально прибыл адъютант военного министра полковник Брок. Выслушав обе стороны, Брок вернулся в столицу. Вскоре Шамиль от министерства получил весточку, в которой говорилось, что Пржецлавский любит великого дагестанца и все делает для его спокойной жизни. И все в таком духе... Между тем примирение не состоялось, т. к. пристав по-прежнему клезуничал, по пустякам придирался к семье имама, старался рассорить сыновей, распускал слухи, будто имам жаден, а его жены скандалистки.

1-го февраля 1866 года должность пристава пришлось упразднить, и калужские пленники, наконец, были избавлены от возмутителя спокойствия.

Теперь все дела, связанные с дагестанцами, передавались в руки губернатора Калуги Чичагова, ставшего близким другом Шамиля, а его супруга напишет прекрасную книгу о калужском пленнике под названием «Шамиль на Кавказе и в России».

«Казимировская балка»

В 1898–99 годах в Аранинском укреплении близ Хунзаха стоял 6-й Кубанский пластунский батальон. У одного из офицеров данной части служил денщиком безропотный и тихий солдат Казимир. Очень часто хозяин Казимира возвращался домой пьяным, и тогда начинались издевательства. Без всякой причины офицер избивал денщика, угрожая даже убить его. Не очень он был милостив и тогда, когда оказывался трезвым.

Неизвестно, сколько терпел бы солдат, но однажды ему стало невмоготу – он выбежал из крепостных ворот, преодолел с полверсты от укрепления, чтобы броситься в пропасть, что рядом с водопадом.

Хунзахский водопад

С тех пор стометровой глубины пропасть хунзахцы в память о поляке именуют «Казимировской балкой».

Лекарь поневоле

Иван Загорский в 1842 году оказался в плену у горцев. Через горы и долины его привели к Шамилю и заключили в подземелье, где поляк попал в среду таких же несчастных, как он сам.

Прошли дни, недели, месяцы – никто не собирался их вызволить. Пленные страдали кишечными заболеваниями. Но к их счастью Иван Загорский имел медицинское образование. По просьбе товарищей он обратился к имаму, чтобы ему разрешили собрать лекарственные растения. Шамиль дал согласие. Загорский из собранных в окрестностях Ведено трав готовил настой, поил товарищей и, как он сам рассказывает: «Все мои больные выздоровели».

К тому, что написал выше, добавлю, что туземные лекари помогали Загорскому, где и как искать необходимые травы, а поляк, в свою очередь, передавал им опыт медика, окончившего специальное учебное заведение.

10 лет на чужбине

Много лет назад я получил из г. Львова письмо от некоего человека со смешной фамилией, трудно сочетающейся с его именем – Лев Заяц. Он обращался за советом. Заяц хотел побродить по Дагестану и просил, чтобы ему предложили интересный маршрут для многодневного пешего перехода.

Я откликнулся. Лев Заяц прибыл не один. С ним была его супруга Нина – рослая, плотная, со светлым лицом женщина. Они оказались людьми интеллигентными, донельзя обязательными. Мы вместе разработали маршрут, разрисовали его, а я вдобавок дал рекомендательные письма к товарищам, у которых они могли бы получить какую-либо помощь.

Через какое-то время из Львова пришло благодарственное письмо, где выражались охи и ахи от увиденного, услышанного и не менее – от гостеприимства дагестанцев.

Так и пошло. Почти каждый год чета Заяцев совершала путешествия по Дагестану, не забывая при этом каждый раз приглашать к себе – во Львов. Время от времени они радовали меня, присылая вырезки из польской печати – сведения о Кавказе, Дагестане, о Шамиле и его сподвижниках.

...Наконец, в 1980 году мы с женой решили посетить Львов. На то было несколько причин. Во-первых, Лев Федосеевич Заяц сообщал, что в этом году они по разным причинам не планируют побывать в Дагестане, во-вторых, его семья приготовила для нас сюрприз, который нас весьма обрадует.

Была и третья причина, зовущая в Закарпатье. Нас звала в гости известная дагестанка Резеда Махмудова.

...В первой половине июля 1980 года мы оказались в объятиях четы Заяц. Был вечер. Стол был богато сервирован. После сытной еды пошли разговоры о том о сем, а я все думал какой же сюрприз нас ждет? Сюрприз оказался книгой. И какой! В ней поляк Кароль Калиновский рассказывал о том, как во время Кавказской войны попал в плен к горцам и 10 лет находился на чужбине.

Но большой труд Калиновского был написан на польском языке. Отложив все дела в сторону, в тот же вечер Лев Федосеевич начал делать перевод с польского на русский. Делал это он блестяще, и я записывал без помарок. Мы работали в течение четырех дней, с перерывами на еду, небольшие прогулки по Львову и на сон.

Должен заметить, что это первый перевод книги К. Калиновского на русский язык и честь этого принадлежит Льву Федосеевичу Заяцу, которому я бесконечно благодарен, хотя бы потому, что читатель узнает много нового о Кавказской войне, о судьбе людей, оказавшихся в плену у горцев, о Шамиле, его наибах, а главное о самом Кароле Калиновском, 10 лет находившемся на чужбине.

...После развала СССР связи нашей семьи с семьей Заяц оборвались. Они больше не приезжали в Дагестан, хотя мечтали ходить по его тропам, пока ноги держали их.

– Если книга выйдет в свет, – сказал я себе, – то непременно перешлю ее во Львов, как благодарность Льву Федосеевичу и Нине Никитичне, как прощальный привет из Дагестана.

«Я родился в селе Калиново Августовского воеводства 21 января 1821 года», – с таких слов начинается повествование Карол Калиновский о своем 10-летнем пребывании в плену на Кавказе³.

И далее продолжает: «Помню в 1830–1831 гг. воспитывался у монахов ордена Василия в Варшаве. Когда меня сослали как солдата на Кавказ, родители умерли от жалости...»

³ Мемуары моей военщины на Кавказе и плена у Шамиля от 1844 по 1854 гг. Варшава. – 1983.

Далее К. Калиновский объясняет причину ссылки. В реальном училище он прошел курс механики, работал на заводе в г. Солыцы, а затем в Варшаве, где на железной дороге исполнял должность помощника инженера, увлекся противоправной политической деятельностью, за что его 9 месяцев держали в тюрьме, а затем, как сказано выше, сослали на Кавказ.

«Это было, – пишет Калиновский, – в воскресенье, 15 декабря 1844 года, в 10 утра под сопровождением донских казаков, нескольких дезертиров и уголовных элементов...»

Бедолагу сопровождали также родственники и знакомые. Звон колоколов долго шумел в ушах.

Путь на Кавказ оказался далеким, приходилось идти пешком. Весну он встретил на Украине, а когда прибыл в крепость Внезапную, что в Дагестане, то стояло уже лето.

«Я увидел три формации, с башнями для отражения нападения, – делится первыми впечатлениями ссыльный солдат. – За месяц до моего прихода Шамиль напал на одну из них. Малый гарнизон удержал несколько штурмов, хотя неприятель был силен...»

Дни потекли за днями. Его перебрасывали с одного места на другое.

«В полдень я прибыл в редут у татарского аула Энгельсюрт, а под вечер... – в Таш-гечу над рекой Аксай, где мы переночевали. В ауле живут кумыки и чеченцы. На второй день утром мы двинулись из Таш-гечу до Внезапной с охраной войск. День был жаркий, а сейчас шел дождь, температура упала...»

Внезапная? Ее издали не видно... При крепости – большой аул кумыков – Андреевский⁴. Во Внезапной кончалась моя трудная дорога на Кавказ, где я должен был жить много лет...

На следующий день я представился местным властям и адъютанту полка... В это время наместник, князь Воронцов находился в большом походе против Шамиля, для уничтожения его резиденции в Дарго, т. е. «Красного аула». Наш полк почти целиком был в походе, а один батальон оставался при штабе, чтобы запастись на зиму сена, капуста и других продуктов. О походе мы ничего не знали... ходили различные слухи, будто Шамиль со своими женами, детьми и мюридами попал в плен... Радость была великая, особенно среди солдат. Солдаты-ветераны не доверяли таким слухам, считали, что такие вести не к добру, к неудаче...».

На первых порах у Калиновского время проходило незаметно. Он слушал рассказы старых воинов о походах, о местном населении. По совету ветеранов, кроме обмундирования, новичок приготовил мешок для сухарей, сапоги с длинными голенищами, чтобы в любую погоду быть готовым к походу.

«После двух недель моего пребывания здесь, – продолжает повествование новобранец, – хорошие известия переменились в самые худшие. Татары Андрей-аула с презрением смотрели на нашу крепость. На базар Андрей-аула солдаты ходили большими группами, при оружии, притом в полдень...»

Внезапно поступил приказ быть готовым к походу, притом как можно скорее...»

На следующий день начался поход – это батальон пехоты и полковая артиллерия. Солдаты не убавляли темп движения, хотя жара усиливалась. Торопились достичь Ирактау, чтобы напиться воды и освежить обожженные уста. К вечеру прибыли в Герзель-аул, где был получен приказ: после принятия чарки водки, оставив снаряжение, идти дальше.

Солдаты шли по крутой дороге и в вечерней тишине оказались в ичкеринских лесах.

Впереди находилась поляна, горели тысяча огней – это солдаты генерала Фрейгата готовили ужин».

Далее автор пересказывает о поражениях Воронцова в 1845 году в ичкеринских лесах. Это был страшный удар по царским войскам.

⁴ Эндирей.

«Жизнь Воронцова была в опасности, – сообщает Калиновский, – он был высок и его знали татары. Своей жизнью обязан солдатам Кабардинского и Куринского полков, которые вокруг него образовали каре...»

На 28-й странице своего труда автор сообщает, что прибытие отряда Фрейтага спасло Воронцова. Возвращению в Герзель-аул радовались все. Солдаты разожгли тысячу костров, выпили положенные чарки водки и приступили к еде, отмечая таким образом выход из ловушки, приготовленной Шамилем.

А знатная молодежь, надеявшаяся на легкую победу, теперь покидала отряд, чтобы на стороне рассказать о своих «подвигах».

Интересны наблюдения К. Калиновского, касающиеся местного населения. Вот, к примеру, «одеяния женщин – шаровары до земли, чуваки из сафьяна... На пальцах серебряные кольца, неуклюжей, простой работы; смотрят враждебными глазами на войско и где возможно вредят. Имея связь с горцами, передают сведения о наших передвижениях...»

Серебро очень часто помогает нам завербовать шпионов, так что движение Шамиля также было известно нам.

Народ храбрый, суждение велико, привязанность к родине, адатам бесконечны. От русских принял только то, что ему полезно...

Рукоделие горцев примитивно, но сбруя, кинжал, сабля и огнестрельное оружие превосходят. Никаких заводов у них нет. В основном занимаются земледелием.

Торговля ограничена: кожа, зерно, масло, мед, повидло из винограда...

Пригород фортеции⁵ – несколько десятков глинобитных саклей, где живут женатые солдаты и не очень большое общество офицеров.

...Поздней осенью, чтобы изменить монотонную жизнь, – продолжает повествование автор, – устроили любительский театр, где актерами выступали юнкера и младшие офицеры, как в мужских, так и в женских ролях...»

И далее: «Этой зимой (1845 г. – Б. Г.) мы никуда не ушли. Жили замкнувшись в фортеции. Однажды сделали вылазку в приграничные аулы.

Весной 1846 года началась новая жизнь с тревогами и беспокойством... Пришла весть, что с большим войском Шамиль готовится к акции...

Он перешел Аргун и пришел в Малую Чечню ближе к нам, а мы не успели помешать ему. Перейдя Терек имам ушел в Кабарду...

Цель Шамиля – объединение народов против нас, кабардинцы не пошли на это...»

На 40-й странице Калиновский жалуется на свое здоровье, связывая это с климатом: у него болели ноги, зубы страдали от цинги. Его даже уложили в госпиталь. Рекомендовали совершать прогулки по утренней росе.

Он так и поступал.

Утром и вечером он выходил гулять по окрестностям Андрей-аула. И вот в один из дней, когда он отдалился от крепости довольно далеко, его захватили в плен. Горцы пригрозили ему, что убьют, если будет кричать и сопротивляться.

По пути в горы Калиновский натерпелся такого, что «трудно рассказать»; идти пришлось без отдыха, делая только небольшие передышки. Шли по горам, долам, болотам, перешли речку Мичик. Она ему показалась глубокой и образующей каньон.

«...Мы вошли в чеченский аул Ордели. Было тихо. Меня ввели в саклю, где разрешили отдохнуть и поспать. Они видели, что я не простой солдат, спросили, что умею делать».

– Я писарь, – отвечал Калиновский, – и ручную работу не умею делать.

– Кто тебя может выкупить?

– Я из Польши, а покровитель у меня только Бог.

⁵ Герзель-аул.

Старикам его слова понравились, однако на всякий случай предупредили: «Если русские тебя не выкупят – умрешь. А, если решишься совершить побег – обезглавим».

Ему дали кувшин, и он в сопровождении детей отправился за водой. Жители села с любопытством разглядывали его. По возвращении ему обрили голову, обливая речной водою. Его одежду заменили лохмотьями.

Хозяин объявил Калиновскому: «Я заплатил за тебя большие деньги. – А на самом деле выторговал пленного за одного барана, т. к. пленный был болен. И добавил еще: – Мне надо, чтобы за тебя стократно возместили мою потерю, иначе зарежу».

Переводчик успокоил Калиновского, сказав, чтобы он не обращал внимания на угрозы хозяина.

В этот день Калиновский принес дрова и загнал в хлев коров. На ночь на его шею надели цепь, конец которой находился в другой комнате.

Вскоре его продали андийцам. Выделили чурек и сыр. Вышли на дорогу, чтобы двинуться пешком. Жара стояла такая, что нечем было дышать. Новый хозяин дал ему кое-что из белья и велел вести ишака, а сам подпевал какой-то мотив. По дороге увидели останки русских солдат, погибших здесь в 1843 г.

На реке Акташ освежили свое лицо и тело, съели рассохшийся чурек. Калиновский восхищался видами, открывшимися на Дарго, – зелень лесов, рядом шумела река, а муэдзин призывал к закатной молитве... С утра другого дня вышли на дорогу. Начались горы, где простым глазом различали пещеры, в них ютились люди, они на кострах готовили завтрак.

Пленный едва успевал за хозяином. Когда дошли до водопада, устроили привал. Хозяин начал молиться. Дальше дорога еще более ухудшилась. В ужасном ущелье бежала река. Кругом пропасти. Становилось страшно, как бы не сорваться в бездну.

В конце концов, дошли до какого-то аула, где было много людей. Подвели к сакле хозяина. У него оказалось много детей. Во дворе на завалинке сидели старики, облаченные в тулупы. Они расспрашивали о пленном, а он прилег от усталости на камень. Никто его не беспокоил. Старухи дали ему кусок хлеба и молоко. Затем его ввели в просторную саклю, где около печи устроились хозяин и его гости, а женщины бесконечно сновали по комнатам и собирали пищу – остатки мужской трапезы. Калиновскому выделили уголок в соседней комнате. Он тут же заснул. Утром стоило ему подняться, как упал на пол: ноги не удержали. Хозяин убедился, что пленник на самом деле болен, дал ему бараний жир, велел натереть им ноги. Затем показали на постель, разрешив отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.